

ВЕРА ПАВЛОВА

НГ Exlibris (прил. к Независимой) - 2003 - окт. - с. 5

Стихи после дуэльной истории

Вера Павлова: «Я сейчас не поэт, а влюбленная женщина»

Вера Павлова – известный поэт, автор семи книг, лауреат премии им. Аполлона Григорьева, участник открывающегося завтра в Риме поэтического фестиваля. Мы представляем интервью с поэтессой и фрагменты только что написанной книги «Новые стихотворения».

Вера, на микрофон не обращай внимания. Можешь говорить, можешь молчать. Тогда я запишу дыхание и опубликую.

остальное... Скажи, а почему ты не даешь интервью? Это что, элемент имиджа типа Пелевин в темных очках? – Причин тут две. Во-первых, перевирают. Во-вторых, сама себя перевираю. Вранье накапливается. К примеру, недавно обо мне написал один дамский, гламурный журнал. Маленькая фотография и небольшая «поэтический портрет». Если ты помнишь, я в одном интервью говорила, что мои первые стихи появились как записки любимому на подушку? – Да, самурайский обычай.

Вообще-то я дышу, как правило, трехсложно, амфибрахийем. Запыхавшись – ямбаом

– Дыхание у тебя уже прислала в стихах.
– Подожди, дыхание в каком размере, ямбаом?
– Вообще-то я дышу, как правило, трехсложно, амфибрахийем. Запыхавшись – ямбаом. А во сне, как мне кажется, чем-то вроде второго пеона.

– Я открою учебник и поищу: пеон второй. Твоя первая публикация была в «Независимой газете»?

– Да, в 1992 году. Это было началом той моей новой жизни, которая теперь кончилась. Началом моей литературной жизни. До этого была только публикация в «Юности». Я не знаю, как у других писателей, но у меня примерно поровну публикаций в журналах и в газетах. Меня много печатали в газетах. Наверное, стихам так хотелось. Им хотелось выглядеть актуальным репортажем, «срочно в номер!».

– Как ты приучала людей к себе? Я помню по собственному восприятию тебя, как чужого и нигде автора, который потом стал близким и необходимым.

– Никого я не приучала! Но похоже, что приучила... Во всяком случае, летом я в интернете прочитала не без злорадства снюлочку: как сказала Вера Павлова, «плотател пустот, читатели газет!».

– Замечательно. Скоро тебе припишут «Когда б вы знали, из какого сора» и все

– Так вот, в этом журнале я прочла: «записки со стихами оставляет на подушках своих любовников». Поэтому я стараюсь избегать интервью. Я их уже достаточно дала, чтобы можно было перевернуть в свое удовольствие.

– Расскажи о своих зарубежных поездках. Перед тобой все-таки открылся теперь мир. Почему в стихах нет ничего программного типа «Кельнский собор», «Триумфальная арка»?

– И не будет. У меня немножко другая граница. У меня интимная граница. Я попала туда не как туристка, но и не как эмигрантка.

– Как любимая женщина.

– Да. Поэтому, когда я говорю, что Нью-Йорк самый лучший город на свете, я не знаю, говорю ли я о Нью-Йорке или о том человеке, который там живет. С которым я там живу. В письмах Ольги Фрейдленберг, в ее переписке с Пастернаком, есть одно место: «Меня спрашивают, как мне понравилась Третьяковка. Я отвечаю: была там с Борей». Именно так мне нравится граница.

– А фестивали поэтические?

– Про фестивали ничего пока не поняла. Поняла только одно: там можно отлично отвлечься от литературы.

– А где ты была?

– Во Франции, в Англии, в Германии. Сейчас еду в Италию:

Вера Павлова не ищет известности, та ее сама находит.

Фото Александра Долгина

фестиваль в Риме, лекция в Миланском университете. Две лекции: одна – «Поэзия и музыка», вторая – о моей детской студии. Я уже написала их, так что сама себя перевернуть не буду – выйду и прочту слово в слово, как Набоков.

– А что значит отвлечься на фестивале? Ты знакомишься с кем-то, общаешься с нашими, с иностранцами? Я прочитала о фестивале в Париже, что «ходила строгая и недосягаемая Вера Павлова».

– Да, строгая? Это он не видел, как мы с Приговым пели в кафе оперные арии, обливаясь пивом. Нет, я люблю ездить на зарубежные фестивали. У нас относятся к поэтам как-то спустя рукава, а там поэтов изо всех сил любят. Ценят хрупкость этого явления природы. Скажем, этим летом я была в Германии. Пять наших поэтов и шесть немецких неделю жили вместе, в деревне виноделов. Там, посреди виноградника, стоял такой, как мы бы сказали, ДК, дом художника.

стеклянный сарайчик, а в нем – концертный рояль «Имаха». И вот я играю на рояле, русские поэты дегустируют местные вина, а немцы с утра до вечера переводят наши стихи. Прибегают, каждое слово уточняют с помощью переводчицы... Не могу забыть, как переводчица, вместо того чтобы перевести мой стишок, залилась слезами – так расчувствовалась.

– Вытерла слезы и перевела?

– Вытерла и перевела. И мы читали все вместе на вечеру – из

этого выйдет потом книжка-библингва. И нам дали кучу денег за чудесные каникулы. За холмами была Франция, и туда гоняли за сырами, чтобы нас угощать. А для немцев, которые пришли нас слушать, сварили борщ...

– В твоих новых стихотворениях появляется тема славы, известности.

– Надо же отбиваться как-то. Стихами же отбиваешься от вещей, которые трудно переносимы. Слава, она одна из самых труднопереносимых вещей на свете.

– Сбивает с толку?

– Много акустических помех.

– За границы проще и в этом отношении?

– За границы возникает очень адекватная ситуация. Когда читаешь иностранцам на непонятном им языке, то сам акт выступления становится абсолютным адекватным себе. Когда я читаю за границей, у меня даже спина после выступления не болит. Потому что я не чувствую, что предала свои стихи. Я даю то, чего от меня ждут – голос и облик. А слов ни там, ни здесь нет.

– Как не заблудиться в чужих ожиданиях чего-то от тебя и в восприятии тобой их?

– Честно говоря, мне не до этого. У меня нет сейчас другой жизни, кроме личной. Я живу чувством, которое меня целиком поглощает. В общем, я не поэт, я влюбленная женщина. Два года назад, в том возрасте, когда одни кончают с собой, другие идут на дуэль, третьи ломаются, я сбросила шкурку и начала совершенно новую жизнь. Это была моя дуэль.

– Что ты читаешь?

– Летом в Нью-Йорке мы читали американских поэтов. Мой любимый переводил мне их с листа – на пляже, в парке, в книжном магазине, – сидя на полу, беря с полок книгу за книгой... Интересно. Другое. Никакого шаманства, никакого фокунства, никакого мессиянства – все как-то очень трезво. Люди просто честно пытаются сказать то, что хотят.

– А как стихи пишутся при такой кочевой жизни?

– Как всегда. Только в блокноте появились пометки – М., Н.-И. и еще крестик такие – возле стихов, написанных в самолете. В подборке, которую я тебе прислала, есть и те, и другие, и третьи. Попробуй отличить.

Беседавал Игорь Шевелев

Новые стихотворения

«В тюрьму не сесть, в долги не влезть...»

уснуть в обнимку
другу другу сидеть
сны анонимки
рукой сновидца
их небиллицы
прочтешь другу другу
и полюбиться
чтоб сон был в руку

с тобой иду
вокруг аналог,
потом – напрямик,
спокойно, свободно,
зане Книга Книг
закрыта неплотно.

Главное неуловимо.

Но бозат его улов.

Даже в папиной любимой

до конца не знаю слов.

Впрочем, он их сам не знает

и на том конце стола

потихоньку подпекает

мимо нот, на ла-ла-ла.

Набрать дыхания полную грудь

и дохнуть до самого дна.

Там – не смутит ее, не

спугнуть –

матросская спотит тишина,

тиранское сверкает добро,

невинности потерянный клад,

и те, кто пошатривил и бро,

навытяжку на страже стоят.

В тюрьму не сесть, в долги

не влезть,

себя не пережить...

Спасибо, Господи, что есть

о чем тебя просить.

Сны не чисты, мечты пусты,

постыдно болтовня...

Спасибо, Господи, что ты

не слушаешь меня.

Богонатюрная бабина.

Онеународная кладка.

Господи, Господи, дашь мне

сладкое чувство порядка?

Строк монастырская пашина.

Колокола кольханье.

Господи, Господи, дашь мне

горький урок пониманья?

Умоляла: не засыпай.

Но заснул. И во тьме ночной

одиночеством незнакомой

как инсуб овладело мной.

Как неистовы, как грубы

приглазанья нечистых рук!

Так хозяек берут рабы.

Так солдаты икольников берут.

– Я пожалуюсь мужу!

– Ложь.

– Я сейчас позову его!

– Бред.

Никого ты не позовешь.

У тебя никого нет.

А, поняла: должна быть

одна великолетная цитата.

принять страдание как

данность

хранить утраты как призы

боль переписать в

благодарность

в течение одной слезы

слова мои

в течение одной позибели

литературной до кости

в кузнице сердца из спасибо

навек выковать прости

и ни о чем не беспокоясь

не сожалея ни о чем

идти на свой последний голос

воздушно-капельным путем

Память, дырявый мешок,

стопких бесконичных напастей!

Было ли ей хорошо

в час, когда я началась, –

маме? Вознесся ли дух

в апофеозе тепла?

Я состояла из двух

клеток. Но третья была.

Выбрипала цецка

мальчишеской нежней,

и заметней на ней

свежий алый порез.

Может ли нежность без

слез? Не спеши, Эней,

тицательней слезы брей.

О, как дрожит рука!..

на зеркало пеняла

и зеркало меняла

терпя разбивала

читай стишок сначала

Проспись, душа, чертовка,

и дозой страстного презренья

прерви губительное действие

инстинкта самосохраненья!

Записывая стихи,

порезала бумагой ладонь.

Царапина продолжила линию

жизни

примерно на четверть.

Труды и сны

(Сурдоперевод-2)

Эфирные помехи славы. Как будто говоришь по телефону с любимым – и вдруг вклинивается чужой разговор. «Я перезвоню». Кладезь трубку. Не можешь дозвониться.

Сон: на тусовке знакомлюсь с Бродским. Смотрит на меня по-мужски. «Пойдем ко мне в гостиницу. Я живу в гостинице при журнале «Арион». Едем туда на грузовике. Б. куда-то исчезает, а грузовик, долго петляя, привозит меня домой. Заливаю слезами. Звоню Б.: «Ну ничего, в следующий раз ты умрешь».

Сначала читала по буквам. Потом по слогам. Потом словами. Теперь – опять по буквам. Только букв почему-то стало гораздо больше.

Баба Роза, наконец расслышав и поняв, маме: «Если Вере дали такую премию, каким же низким должен быть уровень нашей поэзии!»

Второго февраля разобрала елку. Сложила шары в коробку, накрыла крышкой, на крышке увидела этикетку: Елочные украшения «Весенние».

Изнанка – это почти полная неизвестность, кому и что о тебе известно.

Вдруг оказывается, что только уложенное в стихи может считаться прожитым. Так становишься поэтом. И начинаешь, вольно же и невольно, искать жизнь, которая лучше укладывается в стихи. Так переосмысливаешь человека. Первое происходит резко, второе – постепенно. То и другое – бесспорно.

В «ДП» – записки последнего врача Ахматовой. А.А. в момент смерти снимали кардиограмму. Ее смерть записана. Образ смерти – прямая линия. Бумага разливована. Пиши.

Мам, мне приснилось, что у меня все зубы выросли!

– Это к бессмертию.

Сон: я занимаюсь любовью с незнакомой, очень молодой девушкой. Долго целуемся. У нее тонкий длинный язык. И вдруг она входит в меня (тонкий длинный член). «Искусственный» – думаю я, блаженствуя. Но член-то у нее как раз настоящий. А вот язык – искусственный. И он, отцепившись, оста-

ется у меня во рту – железный стержень с круглым, как чулпачком, резининовым набадлашиком.

Сон: я – феминистка, борюсь за право женщин водить трамваи, пишу статьи, сдаю экзамены по вождению, беру интервью у начальника депо, смотрю в окно, вижу: подъезжает трамвай, из него вылезает водитель, да так невольно, что трамвай падает, придавив ему ноги. «Вот, полюбуйтесь на ваших мужчин!» – говорю я начальнику депо торжествующе.

О сравнениях с великими: за живорожденные стихи страшно. Хочется, чтобы за ними кто-то присматривал. Вот и нанимают в янпки Пушкина, Ахматову, Бродского.

Бабушка Роза: – Что такое статус-кво? – А зачем тебе, бабуня? – Мне приснилось, что кто-то крикнул мне прямо в ухо: статус-кво! статус-кво! – два раза. И так громко, что я даже проснулась. Лежу и думаю: что такое статус-кво?

Переводчик – тот, у кого всегда есть слова. Поэт – тот, у кого слова есть редко. Но надо.

Послышалось: двадцать-двадцать пять ветров в секунду.

«В яичнике новорожденной девочки содержится до 400 000 яйцеклеток». Все мои стихи уже во мне.

БЗК, Гендель, такой мужественный, что захотелось за него замуж.

Регистрирую в интернете тайный почтовый ящик. «Введите пароль». – «LUBLU». – «Вы выбрали слишком простой пароль. Он не может гарантировать безопасность вашего ящика».

Стихи начинаются там, где не только читатель, но и автор начинают сомневаться: а стихи ли это?

Не завидовать не трудно – трудно не радоваться, когда завидуют тебе.

Из Лизиного сочинения онегинской строфой «Моя комната»: На ложе кукла, мишка, гном:

– Я тут немного приврала – гном был на полке. Но я переложила его на кровать, чтобы стихи были правильными.

Сон: я играю что-то аккордовое, виртуозное на рояле, клавиатура которого состоит из четырех белых клавиш.

Сон: у меня во рту воздушный шарик, я летаю на нем – поддуваю, чтобы подняться – сдаваю, чтобы опуститься – и думаю: «Это же так просто! Почему я раньше не догадалась?»

Пушкин: «Сближение далековатых». Не только. Еще – разделение соседних.

«Поэтесса» отмишена в «балеру».

Моя любовь к Пушкину как-то: супружеская.

Сухой асфальт. Какой находкой, каким сокровищем казался в детстве камушек-который-хорошо-пишет!

Мальчик, получив мой автограф, гордо: – Через десять лет я продам его за бесценок!

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.

Слово в стихотворении не равно самому себе в словаре, потому что значит либо что-то совсем другое, либо то же самое, но в тысячу раз точнее.

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.

Музыка – курица. Поэзия – яйцо. А кто петух? Тепло отвечает: ритм. Душа отвечает: страх. Дух отвечает: я.
